

Категоризация фактуры поверхностей в западных говорах хантыйского языка: сопоставительно-типологическое исследование

1. Введение. Предмет и теоретическая база исследования

Предметом нашего исследования является семантика прилагательных, описывающих отсутствие неровностей ('скользящий', 'гладкий', 'ровный') или наличие неровностей ('шершавый', 'шероховатый', 'грубый (например, о ткани)', 'бугристый', 'морщинистый' и т. д.) на поверхности объекта. В настоящей статье рассматривается материал нескольких западных говоров хантыйского языка, преимущественно собранный нами в полевых условиях¹ в сс. Мужы, Шурышкары (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого АО), с. Белоярск (Приуральский район Ямало-Ненецкого АО) и с. Теги (Березовский район Ханты-Мансийского АО)².

К исследованию привлекаются также данные целого ряда других уральских языков (финского, эстонского, коми-зырянского, удмуртского, эрзянского и ненецкого; в настоящее время нами анализируется также венгерский, марийский и селькупский материал), и, кроме того, предполагается привлечение материала языков других семей и ареалов: на текущий момент нами учтены данные русского [НОСС 2004; Спиридонова 2004] и испанского [Спесивцева 2012] языков. Хантыйский материал рассмотрен нами с привлечением описанного типологического фона.

В данной статье мы сосредоточимся на прямых употреблениях интересующих нас прилагательных, т. е. на тех контекстах, где они описывают свойства поверхностей (ср. рус. *скользящая дорога*, *гладкая доска*, *шершавый язык кошки*), и не будем обсуждать их переносные употребления (ср. рус. *скользящий вопрос*, *гладкая речь*).

Прежде чем перейти собственно к обсуждению хантыйского материала, охарактеризуем теоретико-методологическую базу нашего исследования. В работах последнего времени утверждается существование типологии как направления лингвистики применительно не только к фонетике или грамматике, но и к лексике (см. [Рахилина, Плунгян 2007], [Koptjevskaja-Tamm 2008], [Рахилина, Резникова 2011] и приводимые в этих работах ссылки). В этих работах целями лексической типологии признаются исследование типологических закономерностей устройства семантических полей (касающихся дифференциальных семантических параметров и их релевантности для разных языков, моделей развития полисемии, набора конструкций тех или иных лексем) и поиск универсальных ограничений, существующих для перечисленных явлений.

В качестве примеров конкретных групп слов, исследованных лексическими типологами, можно привести цветообозначения [Berlin, Kay 1969], прилагательные размера [Bierwisch, Lang 1989; Lang 2002], глаголы передачи [Newman 1998], глаголы позиции [Newman 2002], глаголы движения в воде [Майсак, Рахилина 2007], глаголы разделения на части [Majid et al. 2007, 2008], глаголы боли [Брицын и др. 2009], глаголы вращения [Круглякова 2010] и прилагательные температуры [Koptjevskaja-Tamm *forthc.*]. В настоящее время активно ведется изучение различных групп признаковой лексики — помимо упомянутых выше работ, посвященных прилагательным цвета, размера и температуры, это исследования Е. В. Рахилиной и ее коллег по Московской лексико-типологической группе, образованной в последние годы участниками проектов по типологическому описанию ряда семантических полей в языках мира [Рахилина, Плунгян 2007; Круглякова 2010; Рахилина, Резникова 2011]). Эти исследования признаковой лексики расширяют типологическую перспективу ставившихся первоначально на русском материале задач систематизации моделей полисемии представительного массива прилагательных и анализа того, как организованы соответствующие семантические группы в русском языке (см. подробнее [Рахилина и др. 2010]). В качестве примеров можно привести работы, посвященные прилагательным 'острый' — 'тупой' [Кюсева, Рыжова 2010; Кюсева 2012], 'полный' — 'пустой' [Тагабилева, Холкина 2010], 'чистый', 'прозрачный' — 'грязный', 'мутный' [Архангельский и др. 2011], 'прямой' — 'кривой, косою, извилистый' [Наний 2012]; в этот ряд исследований вписывается и наша статья.

¹ Исследование поддержано грантами РГНФ № 11-04-18024е и 12-04-18024е.

² Кроме того, одним из рецензентов настоящей статьи выступила кандидат филологических наук С. В. Онина, носитель шурышкарского диалекта хантыйского языка, владеющая также казымским диалектом, автор многочисленных публикаций по хантыйскому языку. В рецензии С. В. Онинной высказан ряд ценных замечаний и дополнений, которые приводятся далее в соответствующих фрагментах работы.

При сборе материала для данной работы применялась методика, принятая в Московской лексико-типологической группе. Суть этого подхода состоит в том, что описания каждой конкретной лексической группы в разных языках должны строиться единообразно и быть сопоставимыми друг с другом, а в качестве методологической базы для создания таких описаний выбирается анализ сочетаемостного поведения лексем. В результате такого анализа выделяются и классифицируются базовые ситуации из соответствующей предметной области (обозначаемые в данной традиции термином «фреймы»), которые затем служат основой для составления лексико-типологической анкеты (набор вопросов в которой, естественно, уточняется при работе с материалом новых языков, но в реальной практике лексико-типологической работы, согласно [Рахилина, Резникова 2011], по мере увеличения языковой выборки таких уточнений возникает все меньше). Например, для лексем со значением ‘острый (о конкретных физических объектах)’, как показано в типологическом исследовании [Кюсева 2012], выделяется четыре фрейма: во-первых, режущие инструменты с заостренной кромкой (нож, ножницы, пила, коса, бритва и т. д.); во-вторых, колющие инструменты с заостренным кончиком (иголка, гвоздь, шило, стрела и т. д.); в-третьих, предметы с сужающейся к концу формой (носок ботинка, шпиль здания, гора, верхушка дерева и т. д.) — для объектов данного класса, в отличие от первых двух фреймов, острота не является функционально значимой; в-четвертых, природные объекты и части тела, которые могут оказывать на контактный объект воздействие, сходное с воздействием заостренных инструментов, но, в отличие от этих инструментов, являются таковыми от природы, а не в результате деятельности человека (колочки шиповника, иглы хвойных деревьев, локоть и т. д.).

Источниками данных при описанном подходе к лексико-типологическому исследованию служат словари и корпуса изучаемого языка, а также анкеты, содержащие список ситуаций, предъявляемых информанту, и обеспечивающие единообразное описание материала обследуемых языков. При этом естественно, что для конкретного языка набор и качество доступных источников могут быть по объективным причинам ограничены. Для хантыйского языка нами было проведено подробное анкетирование информантов в каждом из обследованных поселков; также использовались материалы словарей (наиболее подробные из них — [DEWOS], [Соловар 2006], [Вальгамова и др. 2011]), однако существующие словари хантыйского языка содержат далеко не всю нужную для нашего исследования информацию о сочетаемости лексем и ограничениях на их употребление. Общедоступных хантыйских корпусов значительного объема до настоящего времени не создано.

Наш материал был соотнесен с доступными хантыйскими текстами: в частности это тексты, записанные участниками экспедиций кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в Березовском районе ХМАО и Шурышкарском районе ЯНАО (2010—2012 гг.), а также ряд публикаций, как, например, сборник текстов на приуральском диалекте [Nikolaeva 1999]; хрестоматия [Rédei 1965], содержащая тексты на говорах западной группы; опубликованные тексты на приуральском и шурышкарском диалектах в [Вальгамова и др. 2011] и на казымском диалекте в [Кошкарева, Соловар 2007]; сборник рассказов жителей с. Теги [Лапина 2011]. Однако подобная работа осложняется малой частотой употребления интересующих нас лексических единиц: так, в сборнике [Nikolaeva 1999], содержащем более 100 печатных страниц текстов на приуральском диалекте хантыйского языка, найдено всего два вхождения прилагательного *pajli* ‘ровный’; причем оба в контексте *pajli mīw* ‘ровная земля’, который может быть получен даже при не самом детальном анкетировании информанта.

2. Прилагательные со значением отсутствия неровностей

2.1. Говор с. Теги

Согласно данным нашего типологического исследования, основное противопоставление в зоне отсутствия неровностей связано со способом восприятия, который может быть зрительным (например, так мы оцениваем наличие / отсутствие неровностей на потолке или на лугу) или тактильным (как в случае небольшого камня или доски, поверхность которой щупают руками для оценки качества ее обработки). Далее фреймы тактильного восприятия делятся на два класса: в первый из них входят собственно гладкие поверхности, не содержащие тактильно ощутимых неровностей, во второй — скользкие поверхности, т. е. либо такие поверхности, на которых трудно удержаться (например, скользкая дорога), либо поверхности таких предметов, которые человеку трудно удержать в руках (например, скользкая рыба)³.

³ Решение отнести фреймы скользкой поверхности к зоне тактильного восприятия принимается нами по двум причинам. Во-первых, на наш взгляд, это вытекает из самой семантики данных прилагательных: скользкая поверхность настолько гладкая, что трение при контакте с ней крайне мало, в результате чего на ней сложно удержаться или предмет с такой поверхностью сложно удержать (ср. в этой связи и толкование первого значения русского

В говоре с. Теги семантическая зона отсутствия неровностей покрывается двумя прилагательными — *wōl'ək* и *pajli*. Прилагательное *wōl'ək* описывает в данном говоре все типы скользкой поверхности, а именно: опорную поверхность (заледенелую дорогу (1), скользкие камни под ногами (2), промокшие дощатые мостки), выскальзывающие из рук предметы (рыбу (3), кусок мыла, черенок лопаты), а также скользкую подошву обуви (и метонимически саму обувь), представляющую собой промежуточный фрейм (4)⁴.

- (1) *at mār jōš pət-s-a, jōš wōl'k-a ji-s*⁵
ночь за дорога мерзнуть-PST-PASS дорога скользкий-DAT стать-PST
'За ночь дорога замерзла, дорога скользкая стала'.
- (2) *lūw pēwl-əs, wōl'ək kew qxti-j-a pqr̄m-əs, il pit-əs*
он купаться-PST скользкий камень верх-OBL-DAT наступить-PST вниз падать-PST
'Он купался, на скользкий камень наступил, упал'.
- (3) *panne wōl'ək xūl*
налим скользкий рыба
'Налим — скользкая рыба'.
- (4) *tām sɔpek-ət mǎnema ǎn mɔs-l-ət, wōl'k-ət*
этот сапог-PL я.DAT NEG быть.нужным-NPST-PL скользкий-PL
'Эти сапоги мне не нужны, скользкие'.

Второе прилагательное — *pajli* — описывает зрительно воспринимаемые ровные поверхности; см. примеры (5)—(6). Область употребления прилагательного в данном случае выводится из его внутренней формы: прилагательное *pajli* образовано с помощью каритивного показателя *-li* от существительного *paj*, которое описывает различного рода зрительно воспринимаемые неровности на участке местности; ср. дефиницию 'куча, стог, остров' [DEWOS: 1102] и наши примеры из тегинского говора *tōrn paj* 'стог сена', *tūt jūx paj* 'куча дров' (это выражение в частности описывает способ укладки дров для просушки).

- (5) *tām tōrn xār-em pajli, šit-em mūw-əj*
этот сено место-PX1SG ровный тот-PX1SG земля-ATTR
'Этот мой покос ровный, тот кочкастый'.
- (6) *jōš pajli, mūŋ sɔra wɔš-a jōxət-s-ūw*
дорога ровный мы быстро город-DAT прийти-PST-1PL
'Дорога ровная, мы быстро в Березово (букв.: в город) доехали'.

Интересно также, что для прилагательного *pajli* оказывается важным противопоставление вертикально и горизонтально расположенных поверхностей. Оно свободно описывает горизонтальные ровные поверхности (5)—(6), ср. также *pajli xət̄xar* 'ровный пол'; в случае же вертикальных поверхностей употребление лексемы *pajli* допускается не всеми носителями языка, более предпочтительным оказывается прилагательное *tūŋ* 'прямой' (7)⁶.

- (7) *xət pūŋəl tūŋ / ʔpajli, šišen šiw xōr nōx ixət-s-a*
дом бок прямой ровный поэтому туда картина вверх вешать-PST-PASS
'Стена ровная, поэтому туда картину повесили'.

прилагательного *скользкий* в [MAC 1999]: 'совершенно гладкий, не создающий трения, на котором трудно устоять, удержаться'). Во-вторых, такая трактовка подкрепляется собранным нами языковым материалом, а именно: на нашей выборке выявлены примеры употребления одной лексемы для описания и скользких, и гладких поверхностей (один из примеров такого рода, как мы увидим далее, представлен в некоторых хантыйских говорах; другим примером, по нашим данным, может служить марийское прилагательное *яклака*), но не выявлено ни одного примера, когда лексема описывала бы и зрительно ровную, и скользкую поверхность.

⁴ Фрейм скользкой подошвы обуви считается нами промежуточным, поскольку, с одной стороны, ему соответствует поверхность, на которую человек типично опирается при ходьбе, с другой стороны, по своим топологическим характеристикам подошва обуви близка к небольшим выскальзывающим из рук предметам. Типологические данные тоже подтверждают эту трактовку: скользкая подошва обуви описывается в одних языках тем же средством, что и опорная поверхность, в других — так же, как и выскальзывающие предметы.

⁵ Хантыйские примеры приводятся в фонологической записи с использованием символов финно-угорской транскрипции.

⁶ Однако, с точки зрения С. В. Онинной, в примере (7) предпочтительно употребление лексемы *pajli*.

Что касается семантической зоны тактильно гладких поверхностей, то в тегинском говоре наблюдаются две стратегии ее категоризации (при этом каких-либо социолингвистических закономерностей, которые бы в данном случае обуславливали языковое поведение информанта, нами не выявлено). Первая из этих стратегий состоит в том, что для описания гладких поверхностей используется прилагательное *wōl'ək* — то же, которое, как мы видели выше, описывает скользкие поверхности; см. пример (8) о гладко выбритых щеках и (9) о гладко обструганной доске.

(8) *tūš-em* *lōr-m-em* *jūpijn* *wenš-em* *wōl'k-a* *ji-s*
борода-PX1SG стричь-PART-PX1SG после лицо-PX1SG гладкий-DAT стать-PST
'После стрижки бороды лицо гладкое стало'.

(9) *tām* *səxəl* *wōl'k-a* *wer-e*⁷
этот доска гладкий-DAT делать-IMP.O.SG
'Эту доску гладкой сделай'.

Вторая стратегия заключается в том, что тактильно гладкие предметы не описываются ни прилагательным *pajli*, ни прилагательным *wōl'ək*, оказываясь, таким образом, своего рода лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей. Те фреймы, которым в других языках могло бы соответствовать прилагательное со значением 'гладкий (о тактильно воспринимаемых поверхностях)', описываются в данном случае с иных точек зрения: столешница — как выструганная (10), выбритые щеки — как мягкие (11), ухоженная кожа рук или лица — как чистая (12)⁸.

(10) *pāsan* *səxəl* *wōl't-əm* / ?? *wōl'ək*
стол доска строгать-PART скользкий
'Столешница выструганная'.

(11) *aš-em* *weš* *pūŋəl-tal* *nōx* *wəš-əs-te*,
отец-PX1SG лицо бок-PL.PX3SG вверх брить-PST-3SG.O
lept-a / ?? *wōl'k-a* / **pajli-j-a* *ji-s-ət*⁹
мягкий-DAT скользкий-DAT ровный-OBL-DAT стать-PST-PL
'Отец щеки побрил, мягкие стали'.

(12) *još-em* *sistam*, *wenš-em* *sistam*¹⁰
рука-PX1SG чистый лицо-PX1SG чистый
'Рука моя чистая, лицо мое чистое'.

Такой же лакуной с точки зрения описания фактуры поверхностей оказывается и фрейм гладкой поверхности воды в водоеме — в этом случае в тегинском говоре хантыйского языка не используется ни прилагательное *pajli*, ни прилагательное *wōl'ək* (13). Заметим, однако, что для данного фрейма по-

⁷ Интересно, что, согласно комментариям С. В. Онинной, в (9), а также в (10) предпочтительно употребление лексемы *tūj* 'прямой', а не *wōl'ək* 'скользкий, гладкий'. Эти сведения не соответствуют данным, собранным нами в обследованных поселках (что, впрочем, может объясняться возможными отличиями этих говоров от родного говора С. В. Онинной), но, тем не менее, поднимают интересный для типологии вопрос соотношения значений 'прямой' (о линии без изгибов) и 'гладкий, ровный' (о поверхности без неровностей); ср. пример выражения значений 'прямой' и 'ровный' одной лексемой — *mōp* — в марийском языке. Исследование типологического варьирования в этой области составит одну из задач нашей дальнейшей работы.

⁸ Интересно, что в словаре [Соловар 2006: 208], описывающем близкий к тегинскому говору казымский диалект и содержащем наиболее подробное на сегодняшний день лексикографическое описание этого диалекта, прилагательному *pajli* приписывается два переводных эквивалента — не только 'ровный, ровно', но и 'гладкий, гладко'. К сожалению, первый из этих эквивалентов сопровождается всего одним примером, переводящимся на русский как 'На ровном месте упал', а второй и вовсе оставлен без каких-либо иллюстраций, поэтому провести на основании этой словарной статьи достоверное сопоставление тегинских и казымских данных возможным не представляется. В свою очередь в [DEWOS: 1589] в казымском диалекте отмечено прилагательное *wələk* (транскрипция дается в соответствии с источником) со значением 'гладкий, без сучьев (дерево)'.

⁹ По мнению С. В. Онинной, в примере (11) предпочтительно употребление лексемы *wōl'ka*, что, как видно, отражает первую, описанную выше стратегию категоризации гладких поверхностей в тегинском говоре.

¹⁰ Предложение (12) имеет в хантыйском языке два значения: во-первых, оно может описывать руки и лицо, на поверхности которых нет грязи; во-вторых, оно применимо и в том случае, когда на руках и лице нет морщин, шероховатостей и других тактильно ощущаемых неровностей.

добный статус достаточно распространен типологически: в некоторых языках, имеющих специальные прилагательные для описания зрительно ровных и тактильно гладких поверхностей, вода в водоеме все равно может описываться иным образом (как, например, в удмуртском — *шыным пукусь* ‘тихо сидящая’).

- (13) *tewən, jiyk ńur rəm-ije / ??pajli / *wǒl'ək*
 безветренный вода совсем спокойный-DIM ровный скользкий
 ‘Безветренно, вода совсем спокойная’.

2.2. Говор с. Шурышкары

В хантыйском говоре с. Шурышкары семантическая зона отсутствия неровностей также покрывается прилагательными *wǒl'ək* и *pajli*. Фреймы зрительно ровных, а также скользких поверхностей описываются в говоре с. Шурышкары теми же средствами, что и в говоре с. Теги, — см. шурышкарские примеры употребления прилагательного *pajli* применительно к ровным поверхностям (дороге (14), ровному участку местности, где удобно проводить праздники (15); аналогично описываются и луг, покос, берег реки, ровный пол) и прилагательного *wǒl'ək* — к скользким (16)—(18).

- (14) *pajli jǒš xǐwat mǎn-l-əm, mǎn-l-əm, sǒjm-a jǒxət-l-əm,*
 ровный дорога по идти-NPST-1SG идти-NPST-1SG ручей-DAT дойти-NPST-1SG
sǒjəm sǒppi mǎn-l-əm, pa pajli pit-əl jǒš-en
 ручей через идти-NPST-1SG тоже ровный стать-NPST дорога-PX2SG
 ‘По ровной дороге иду-иду, до ручья дохожу, через ручей перехожу, снова ровной становится дорога’.

- (15) *kǒrt ǒlǎn-na pajli xǎr ǒl, śita jemǎj xǎtl-ət*
 деревня конец-LOC ровный место быть.NPST там священный день-PL
wer-ili-l-a-j-ət
 делать-НАВ-NPST-PASS-OBL-PL
 ‘В конце деревни ровное место есть, там праздники проводят (букв.: священные дни делаются)’.

- (16) *jelaja ji-s, śikem jǒš-əl wǒl'ək*
 к.вечеру статья-PST такой дорога-PX3SG скользкий
 ‘Вечереет (букв.: К вечеру стало), такая дорога скользкая’.

- (17) *l'eśtan-əl šek wǒl'ək, śi arat wǒl'ək, jǒš-el elti il pit-əl*
 оселок-PX3SG очень скользкий так столько скользкий рука-PX3SG из вниз падать-NPST
 ‘Оселок [точильный брусок] очень скользкий, настолько скользкий — из рук падает’.

- (18) *sǒpek pǎti wǒl'ək*
 сапог подошва скользкая
 ‘Подошва сапог скользкая’.

Гладкие поверхности в говоре с. Шурышкары описываются прилагательным *wǒl'ək*, которое, как было проиллюстрировано выше, характеризует в этом говоре также скользкие поверхности: ср. пример (19), где лексема *wǒl'ək* характеризует гладкую поверхность стола, или предложение (20), которое может сказать, например, отец сыну, когда учит того обрабатывать дерево. Некоторые носители, объясняя в процессе сбора материала значение прилагательного *wǒl'ək*, указывали и на находящиеся вокруг них объекты с гладкой поверхностью, к которым, по их утверждению, можно применить это слово: так, одна из информанток отнесла данное прилагательное к гладкому на ощупь кожаному ремешку сумки, находившейся в этот момент у нее в руках, а еще одна — к гладкой металлической дужке кровати¹¹.

- (19) *pǎsan-em elte-l śikem wǒl'ək*
 стол-PX1SG поверхность-PX3SG такой гладкий
 ‘Поверхность стола такая гладкая’.

¹¹ В словаре [Вальгамова и др. 2011: 32], содержащем наиболее детальное описание лексики говоров шурышкарского диалекта, прилагательному *wǒl'ək* приписывается только значение ‘скользкий’ и приводятся примеры его употребления в сынском говоре применительно к скользкой опорной поверхности (горке, дороге, полу). Как в этом говоре (равно как и в других говорах шурышкарского диалекта) описываются остальные типы скользких поверхностей, а также выражается значение ‘гладкий (о тактильно воспринимаемой поверхности)’, из словаря неясно.

- (20) *wōl'k-a* *ñōxr-i*, *wōl'k-a* *wer-i*
 гладкий-DAT строгать-IMP.O.SG гладкий-DAT делать-IMP.O.SG
 'Гладко обстругай, гладко сделай'.

Интересно, однако, что на употребление прилагательного *wōl'ək* применительно к гладким поверхностям накладываются дополнительные семантические ограничения, а именно, оно не используется по отношению к частям тела — при необходимости обозначить фрейм «гладкой» части тела носители выбирают иные, смежные описательные характеристики, как в примере (21). В говоре с. Теги, о котором шла речь ранее, такого ограничения не возникает: те носители тегинского говора, которые используют прилагательное *wōl'ək* в значении 'гладкий', распространяют его на все релевантные для данной семантической зоны объекты, включая и артефакты, и части тела.

- (21) *tūš-lan* *lɔr-s-əll-an*, *ši* *xɔrasəŋ-a* *ji-s-ən*
 борода-PL.PX2SG брить- PST-NSG.O-2SG так красивый-DAT стать- PST-2SG
 'Бороду побрил, такой красивый стал'.

2.3. Говор с. Мужж

В говоре с. Мужж отсутствие неровностей на поверхности объекта описывается прилагательными *wōl'ək* и *pajli*. В (22) и (23) приведены примеры употребления лексемы *pajli* во фреймах зрительно ровных поверхностей (обширных ровных участков местности, ровной дороги; аналогично будет описан и ровный пол в доме), которые ожидаемо составляют ядро его употреблений в этом говоре.

- (22) *met'eɔr-ən* *mān-m-ew-ən* *wat-s-əm* *pajli* *xār-ət*
 метеор-LOC ехать-PART-PX1PL-LOC видеть- PST-1SG ровный место-PL
 'Когда мы ехали на «Метеоре» [разновидность водного транспорта], я видела ровные места' (букв.: 'На «Метеоре» в нашу поездку видела ровные места').

- (23) *jām* *pajli* *jūš* *xūwat* *mān-ti* *jām*
 хороший ровный дорога по ехать-INF хороший
 'По хорошей ровной дороге ехать хорошо'.

Вместе с тем в говоре с. Мужж область употребления прилагательного *pajli* включает и фреймы тактильного восприятия, а именно, оно описывает гладкие на ощупь артефакты, как в примерах (24) и (25).

- (24) *tām* *pās-an-ət* *lɔŋt-ət* *pajli*
 этот стол-PX3SG поверхность-PX3SG гладкий
 'У этого стола поверхность гладкая'.

- (25) *sōx* *jōtət-ti* *sɔxət* *šek* *pajli* *at* *ūs*
 шкура скрести-INF доска очень гладкий IMP быть.PST
 'Доска для выделки шкур очень гладкая должна быть'.

При этом названия частей тела, как и в говоре с. Шурышкары, как правило, не описываются с точки зрения фактуры поверхностей, а характеризуются по иным признакам, как в (26), где гладкая кожа лица описывается как блестящая, или в (27), где гладкая собачья шерсть характеризуется не по признаку фактуры поверхности, а по признаку длины, определяясь прилагательным *wan* 'короткий'.

- (26) *ewi* *pōra-j-ən* *wenš-ət* *ət* *mūl'i-j-ət* / ^{??}*pajli*
 девушка пора-OBL-LOC лицо-PX3SG EMPH блестящий-OBL-NPST ровный
 'У девушки (букв.: В девичью пору) лицо блестит'.

- (27) *ap* *pūn* *wan* / ^{??}*pajli*¹²
 собака шерсть короткий ровный
 'Собачья шерсть короткая'.

Поверхность воды в водоеме также не описывается в мужевском говоре прилагательным *pajli*; см. пример (28)¹³.

¹² Как указано в рецензии С. В. Онинной, в примере (27) предпочтительно употребление лексемы *pajli*. При этом, что интересно, применительно к (26) подобного комментария дано не было.

¹³ Ср. также приведенные в [Талигина 2008] данные о лексической сочетаемости слова *jinj* 'вода' в сынском говоре: автор фиксирует в этом говоре то же сочетание *tewən jinj* [Талигина 2008: 158], переводя его как 'спокойная гладь воды'. Сочетаний данного имени с прилагательными фактуры поверхностей в статье не приводится.

- (28) *wət* *ǎntəm*, *tewən* / **jik* *pajli*
 ветер NEG тихий вода ровный
 ‘Ветра нет, тихо’.

Что же касается использования в мужевском говоре прилагательного *wǒl'ək*, то оно, в отличие от говора с. Шурышкары, не только не описывает тактильно гладких поверхностей, но и имеет более узкую сферу употребления в зоне скользких поверхностей, описывая опорную поверхность: заледенелую дорогу (29), мокрый (30) или недавно покрашенный пол, подошву (31), — но не выскальзывающиеся из рук предметы. Так, в (32) применительно к скользкому мылу употребляется глагол с семантикой ‘выскальживать’; в данном хантыйском говоре ни **wǒl'ək lǒńśax* ‘скользкое мыло’, ни **lǒńśax wǒl'ək* ‘мыло скользкое’ сказать невозможно. Такой же запрет накладывается и на сочетаемость прилагательного *wǒl'ək* с именами, обозначающими рыбу и маленький, помещающийся в руках, камешек (при этом интересно, что один из информантов на вопрос о камне отреагировал так, что он мог бы сказать в данном случае *wǒl'ək*, но это бы значило, как будто на камне кто-то сидит, — что полностью согласуется с предлагаемым в статье противопоставлением разных типов скользких поверхностей).

- (29) *at-əl-na* *pət-ti* *pit-əs*, *jǔš-əl*
 ночь-PX3SG-LOC морозить-INF стать-PST дорога-PX3SG
šek ***wǒl'ək***
 очень скользкий
 ‘Ночью подморозило (букв.: морозить стало), дорога очень скользкая’.
- (30) *ma* *l'xət-s-əm* *xətchar*, *xətchar* *jəm-a* *ət* *sər-əs*,
 я мыть-PST-1SG пол пол хороший-ADV NEG сохнуть-PST
pa *śišən* ***wǒl'ək***
 и поэтому скользкий
 ‘Я помыла пол, пол хорошо не высох и поэтому скользкий’.
- (31) *nǔki* *waj* *pǎti* ***wǒl'ək***
 замша кисы подошва скользкий
 ‘У замшевых кисов [вид традиционной обуви] подошва скользкая’.
- (32) *lǒńśax* *xǒl* *wǒl'kəmt-əs*, *rǎkn-əs*
 мыло весь выскользнуть-PST падать-PST
 ‘Мыло выскользнуло, упало’.

2.4. Говор с. Белоярск

В говоре с. Белоярск Приуральского района ЯНАО ситуации отсутствия неровностей описываются как уже известными нам прилагательными *wǒl'ək* и *pajli*, так и еще одним словом — *nǎsl*. Данная лексема, отсутствующая в других рассмотренных нами говорах, описывает все фреймы скользких поверхностей, см. примеры (33)—(36).

- (33) *attiji* *pət-əs*, *jös* ***nǎsl***
 ночью морозить-PST дорога скользкий
 ‘Ночью подморозило, дорога скользкая’.
- (34) *səxəl* *l'xət-man*, *jin̄ki*, ***nǎsl***
 пол мыть-CONV мокрый скользкий
 ‘Пол помыт, мокрый, скользкий’.
- (35) *xǔl* *kattl-s-ew*, ***nǎsl***
 рыба поймать-PST-1PL.O скользкий
 ‘Рыбу поймали, скользкая’.
- (36) *waj* *pǎt-lam* ***nǎsl-ət***, *kǎt* *pǔs* *rǎkən-s-əm*
 кисы подошва-PL.PX1SG скользкий-PL два раз упасть-PST-1SG
 ‘У кисов подошвы скользкие, я два раза упал’.

Что же касается прилагательного *wǒl'ək*, служащего для характеристики скользких поверхностей в обсуждавшихся выше говорах, то оно относится к этой семантической области и в говоре с. Белоярск, но

сфера его употребления существенно ограничена — оно применяется в этом говоре только к покрытой льдом опорной поверхности. Так, употребление слова *wól'ək* вместо слова *ńǎsl* допустимо в примере (33) (каких-либо семантических различий между двумя вариантами обозначения скользкой поверхности в данном контексте не выявлено) и недопустимо в примерах (34)—(36). При этом любопытно, что прилагательное *wól'ək* не имеет явно ощутимой на синхронном уровне связи с существительным 'лед', которое в обследованных хантыйских говорах звучит как *jeŋk*.

Прилагательное *pajli*, базовые употребления которого в описанных нами ранее говорах принадлежат к зоне зрительно ровных поверхностей, в говоре с. Белоярск имеет значительно более широкие сочетаемость и семантику, используясь во фреймах как зрительного (примеры (37) и (38)), так и тактильного (примеры (39) и (40)) восприятия¹⁴.

- (37) *nət elti pajli-ji mǐw ni-l-a*
 верх с ровный-TRANSL земля быть.видным-NPST-PASS
 'Сверху земля видна ровной'.
- (38) *səxl-ət wól-li əl-l-ət, pajli pǎn-man əl-l-ət*
 доска-PL строгать-CAR быть-NPST-PL ровный класть-CONV быть-NPST-PL
 'Доски неструганые, ровно уложенные'.
- (39) *ma tǐs łər-s-əm, wes xǎsəŋ-ləw pajli-j-ət*
 я борода брить-PST-1SG лицо сторона-PL.PX1PL ровный-OBL-PL
 'Я бороду побрил, щеки (букв.: стороны лица) гладкие'.
- (40) *ma amp-am pǐŋ-əl pajli*
 я собака-PX1SG шерсть-PX3SG ровный
 'У моей собаки шерсть гладкая'.

Некоторые носители хантыйского говора с. Белоярск допускают употребление прилагательного *pajli* и по отношению к гладкой поверхности воды в водоеме — хотя надо заметить, что такое употребление этого слова все же не является общепринятым: ср. примеры (41) и (42), записанные от разных носителей.

- (41) *wət ǎntəm, jǐŋk tewən / *pajli¹⁵*
 ветер NEG вода тихий ровный
 'Ветра нет, вода тихая'.
- (42) *jǎxan jǐŋk-əl pajli*
 река вода-PX3SG ровный
 'Вода в реке гладкая'.

2.5. Обобщение данных

В *Таблице 1* содержится обобщение данных о выражении отсутствия неровностей на поверхности объекта в рассмотренных говорах хантыйского языка. Для приведенных в таблице фреймов дается развернутое описание, а также примеры объектов — их представителей. Прочерк в таблице означает, что данный фрейм в данном говоре не описывается ни одной из рассматриваемых лексем со значением отсутствия неровностей.

¹⁴ Интересно отметить ареальные совпадения между хантыйским говором с. Белоярск и распространенным в этом селе говором ненецкого языка. В ненецком языке семантические области зрительно ровных и тактильно гладких поверхностей покрываются общим доминантным прилагательным *салмуй*, и точно такая же доминантная система, как мы видим, наблюдается в контактном с ненецким языком хантыйском говоре с. Белоярск. Оказывается, кроме того, что в ненецком говоре с. Белоярск также обособляется фрейм скользкой опорной поверхности, покрытой льдом (о чем говорилось выше в связи с хантыйскими данными из этого села), она описывается прилагательным *салт*, не применимым в этом говоре к другим типам скользких поверхностей, доминантным средством описания которых, аналогичным хантыйскому *ńǎsl*, служат формы глагола *ńǎсадǎрць* 'скользить'.

¹⁵ С. В. Онина, комментируя пример (41), а также пример (13) выше, указывает на возможность употребления в современном хантыйском языке прилагательного *pajli* по отношению к поверхности воды в водоеме, не отвергая при этом и других приводящихся в статье вариантов описания этого фрейма.

Таблица 1

Фреймы	с. Теги	с. Шурышкары	с. Мужи	с. Белоярск
скользящая опорная поверхность, покрытая льдом (заледенелая дорога)	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək / ñäsl
скользящая опорная поверхность, не покрытая льдом (мокрый пол)	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	ñäsl
скользящая подошва обуви / обувь	wõl'ək	wõl'ək	wõl'ək	ñäsl
скользящий предмет, трудноудержимый в руках (рыба, мыло)	wõl'ək	wõl'ək	—	ñäsl
тактильно гладкие поверхности: части тела (щеки, кожа рук)	wõl'ək / —	—	—	pajli
тактильно гладкие поверхности: артефакты, неодушевленные природные объекты (доска, камень)	wõl'ək / —	wõl'ək	pajli	pajli
зрительно ровные поверхности (покос, дорога, пол) ¹⁶	pajli	pajli	pajli	pajli
гладкая поверхность воды в водоеме	—	—	—	pajli / —

3. Прилагательные со значением наличия неровностей

Для семантической группы прилагательных, описывающих наличие неровностей, характерно большее количество фреймов и лексем, многие из которых имеют весьма узкую семантику, описывая конкретные виды неровностей на поверхности ограниченного класса объектов (ср. в русском языке такие прилагательные, как *ухаби́стый*, *бугри́стый*, *холми́стый*, *кочковатый*, *комковатый*, *сучковатый*, *морщини́стый*, *прыщавый* и т. д.). В настоящей статье мы сосредоточимся на том, как в обследованных хантыйских говорах категоризируются регулярно повторяющиеся тактильно воспринимаемые неровности на поверхности объекта (в русском языке прототипическим средством описания таких фреймов служит прилагательное *шершавый*). Дело в том, что, по нашим типологическим данным, языки склонны обособлять эту группу фреймов, закрепляя за ней или одно отдельное прилагательное, или несколько прилагательных, далее противопоставленных по ряду других параметров, как, например, размер неровностей (в случае эстонского прилагательного *krobeline*, описывающего более ощутимые неровности, чем прилагательное *kare*) или их воздействие на человека (как удмуртское прилагательное *čogyres*, специализирующееся на «шершаво-царапающих» поверхностях, например таких, как поверхность занозистой доски). Рассмотрим далее в свете описанной типологической картины материал хантыйского языка.

Во всех рассмотренных говорах базовой лексемой для описания поверхностей с регулярно повторяющимися тактильно воспринимаемыми неровностями служит прилагательное *karəŋ*. В данном случае, как и для обсуждавшегося в предыдущем разделе прилагательного *pajli* 'ровный', для анализа семантики слова весьма показательна его словообразовательная структура. Прилагательное *karəŋ* образовано с помощью атрибутивизатора *-əŋ* от существительного *kar* 'кора, корка'. По-видимому, в исходных контекстах употребления слово *karəŋ* описывает поверхности, покрытые какой-либо коркой. Такие примеры отмечаются во всех обследованных говорах: см. пример (43) из с. Белоярск о хлебе, на котором во время приготовления появляется корочка; пример (44) из с. Шурышкары о корке на руках при аллергии; записанные в с. Теги примеры (45) о болячке на руке и (46) о малице, портящейся от внешнего воздействия.

(43) *ñañ kar-əŋ-a ji-s*
хлеб корка-ATTR-DAT стать-PST
'Хлеб коркой покрылся'.

(44) *jɔʂ-ləŋ xül wɔj-əŋ ner-aləŋ, kar-əŋ-a ji-ti pit-s-ət*
рука-PL.PX2NSG рыба жир-LOC тереть-IMP.O корка-ATTR-DAT стать-INF начать-PST-PL
'Руки рыбим жиром потрите, корочкой покрываться стали'.

¹⁶ Эти фреймы не классифицируются в Таблице 1 более подробно (что можно было бы сделать на основании типологических данных из других языков), поскольку в каждом из рассмотренных хантыйских говоров, находящихся в данный момент в центре внимания, все они обозначаются одним и тем же средством.

- (45) *tām jōš mōš-em kar-əŋ-a ji-s*
 этот рука рана-PX1SG корка-ATTR-DAT статья-PST
 ‘Болячка на руке покрылась коростой’.
- (46) *məlsəŋkəšas-li təj-ti-j-a, lūw kar-əŋ məlsən-a ji-l*
 маличачехол-CAR носить-INF-OBL-DAT он корка-ATTR малица-DAT статья-NPST
 ‘Если носить малицу без чехла, она покроется корочкой’.

Помимо фреймов поверхности, покрытой коркой, прилагательное *karəŋ* во всех говорах описывает и не вытекающие прямо из своей словообразовательной структуры контексты, относящиеся уже к зоне отсутствия неровностей, например: кожу рук в результате воздействия мороза (пример (47), с. Теги), загрубевшую кожу лица, язык кошки (пример (48), с. Мужи), коровы (пример (49), с. Теги) или оленя, рождоу, точильный брусок.

- (47) *pōx-lenki kamən jāŋx-əs, jōš-lal kar-əŋ-a ji-s-ət iški elti*
 мальчик-DIM на.улице гулять-PST рука-DU.PX3SG корка-ATTR-DAT статья-PST-PL мороз от
 ‘Мальчик на улице погулял, руки стали шершавые от мороза’.
- (48) *ma kat'-em ma jōš-lam ŋəli-j-ət, ŋəlm-ət śikem kar-əŋ*
 я кошка-PX1SG я рука-PL.PX1SG лизать-OBL-NPST язык-PX3SG такой корка-ATTR
 ‘Моя кошка мне руки лижет, у нее язык такой шершавый’.
- (49) *mis təj-l kar-əŋ ŋələm*
 корова иметь-NPST корка-ATTR язык
 ‘У коровы (букв.: Корова имеет) шершавый язык’.

Во всех поселках с информантами проверялась также возможность применить слово *karəŋ* к плохо обработанной доске, и в данном случае выявились различия между обследованными говорами. Большинство носителей из сс. Белоярск, Шурышкары и Мужи запрещают такое употребление, при этом некоторые из них предлагают буквальную интерпретацию, согласно которой прилагательное *karəŋ* описывает доску, с которой не до конца сняли кору (напомним, что данное прилагательное образовано от слова *kar* ‘кора’). В говоре же с. Теги словосочетание *karəŋ səxəl* имеет два устойчивых понимания: во-первых, ‘доска с не до конца снятой корой’; во-вторых, ‘шершавая, плохо обработанная доска’ (в последнем случае оно попадает в рассматриваемую нами семантическую область).

Кроме того, прилагательное *karəŋ* предполагает наличие на поверхности достаточно твердых неровностей и не употребляется для описания таких объектов, как небритые щеки, грубая ткань или колючее шерстяное одеяло. Не выявлено в изученных хантыйских говорах и лексем, которые бы специализировались на описании шершавой и одновременно «царапающей» поверхности: например, уже упомянутые небритые щеки могут описываться глагольной формой *pelantijlət* ‘колются’ (пример из с. Белоярск), а занозистая доска — прилагательным *xasteləŋ* ‘занозистый’ (пример из с. Теги).

Говоря о прилагательном *karəŋ* в типологической перспективе, интересно отметить наличие в ряде других уральских языков прилагательных с тем же корнем, описывающих шершавую поверхность (ср. также приводимый в [Эрнитс 1993] анализ слов с корнем *kVr* в финно-угорских языках): в эстонском языке — *kare*, в финском — *karhea* и *karkea*, в селькупском — *käрсаль* [Казакевич, Будянская 2010: 37]. Однако эти прилагательные различаются по широте своего употребления.

Так, употребление хантыйского *karəŋ* во многих случаях тесно связывается (см. примеры (43)—(46)) с семантикой существительного *kar* ‘кора’, и, кроме того, данное прилагательное практически не развивает метафор: нами зафиксировано только два его метафорических употребления и только в тегинском говоре, при этом они плохо известны носителям, часто интерпретируются ими по-разному и, по-видимому, не являются широко употребительными. Это выражение *karəŋ ŋələm* (букв. ‘шершавый язык’), которое одни носители тегинского говора считают применимым к сплетнику, другие — к картаному человеку, третьи (отвергая первые две интерпретации) — к человеку, произносящему обидные слова, а также выражение *karəŋ nətəs* (букв. ‘шершавая мысль’), которое, согласно разнящимся мнениям информантов, применимо либо к негативным помыслам человека, либо в том случае, когда человек не может четко выразить свою мысль.

В свою очередь эстонское прилагательное *kare*, в отличие от хантыйского *karəŋ*, имеет очень широкую сферу употребления, как описывая всевозможные шершавые поверхности (язык кошки, шершавую от мороза кожу рук, небритые щеки, листья осоки, шершавые листы бумаги в старых тетрадах и т. д.), так и развивая значительный набор метафор (например, этим прилагательным описывается в эстонском хриплый голос, суровая зима, суровый человек).

Систематизация и объяснение выявленных различий (что входит в наши планы в дальнейшем) представляет интерес как для лексической типологии, так и для диахронических исследований уральских языков.

4. Некоторые итоги

Подведем итог обсуждению представленного в статье материала. Для четырех западных говоров хантыйского языка были проанализированы системы признаков слов, характеризующих фактуру поверхности с точки зрения наличия или отсутствия неровностей. Помимо собственно описательного результата (который, впрочем, может представлять значимость и сам по себе — как для лексикографии хантыйского языка, так и для изучения его диалектной картины), нам также кажется необходимым остановиться на ряде типологических и теоретических следствий из данного исследования.

Во-первых, хантыйский материал представляет немало явлений, до сей поры редко встречавшихся нам или вообще не встречавшихся в других языках и потому любопытных для лексико-типологического исследования данной семантической группы. Это и использование в ряде описанных говоров одного и того же прилагательного для обозначения как скользких, так и гладких поверхностей, и обособление в приуральском говоре с. Белоярск фрейма опорной поверхности, покрытой льдом, и встретившиеся семантические ограничения на сочетаемость прилагательных, описывающих отсутствие неровностей, с названиями частей тела. Ясно, что все эти явления должны учитываться в будущих типологических исследованиях. Кроме того, прозрачная словообразовательная структура (в случае прилагательных *pajli* ‘ровный’ и *karəŋ* ‘шершавый’) позволяет делать обоснованные утверждения о направлении развития их полисемии (особенно это касается прилагательного *pajli*, покрывающего в разных говорах разный объем фреймов), что тоже важно с типологической точки зрения.

Во-вторых, результаты нашего исследования соприкасаются с методологической проблемой составления выборки для лексико-типологического исследования. Традиционно считается, что типологическая работа должна охватывать как можно более разнородные ареально и генетически языки. При этом, как было показано в [Kibrik 1998], не менее ценным исследовательским направлением оказывается и внутривидовая типология, поскольку в ходе исследования набора родственных языков могут обнаруживаться весьма тонкие противопоставления, важные для типологического описания и объяснения и порой трудноуловимые на разнородной выборке. Применительно к лексической типологии также отмечалась осмысленность включения в выборку родственных языков: так, в статье [Рахилина, Прокофьева 2004], посвященной сопоставлению русских и польских глаголов вращения, продемонстрированы существенные — несмотря на близкое родство двух языков и внешнее сходство многих рассмотренных лексем — расхождения между системами глаголов вращения в этих языках.

Как показывает наш материал (в особенности данные по прилагательным со значением отсутствия неровностей), все высказанные соображения верны и для включения в выборку не только разных языков, но и разных диалектов одного языка: конечно, было бы наивно полагать, что на таком материале удастся полностью описать пространство типологического варьирования в исследуемой семантической группе, но вместе с тем данные близких диалектов могут предоставлять своего рода «минимальные пары», иллюстрирующие типологически значимые семантические противопоставления. При этом, как показывает опыт и нашего лексико-типологического исследования, и других перечисленных во введении работ этого направления, данные и разных диалектов, и разных родственных языков, и разных языков вообще в своей совокупности не образуют некую хаотичную сущность, а укладываются в четко организованную систему, изучение и осмысление которой будет продолжено в ходе дальнейших исследований.

Сокращения

букв. — буквально	НАВ — хабитуалис	PASS — пассив
рус. — русский	IMP — императив	PL — множественное число
ADV — адвербиализатор	INF — инфинитив	PST — прошедшее время
ATTR — атрибутивизатор	LOC — локатив	PX — посессивный аффикс
CAR — каритив	NEG — отрицание	SG — единственное число
CONV — дееспричастие	NPST — не прошедшее время	TRANSL — транслатив
DAT — датив	NSG — не единственное число	1 — первое лицо
DIM — диминутив	O — объектное спряжение	2 — второе лицо
DU — двойственное число	OBL — косвенная основа	3 — третье лицо
EMPH — эмфатическая частица	PART — причастие	

Литература

- Архангельский и др. 2011 — *Архангельский Т. А., Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки ‘чистый’, ‘грязный’, ‘прозрачный’, ‘мутный’: К построению семантической типологии // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 7, ч. 3. СПб., 2011. С. 257—260.
- Брицын и др. 2009 — Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / Ред. *Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М.* Киев, 2009.
- Вальгамова и др. 2011 — *Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (приуральский и шурышкарский диалекты) / Под общ. ред. *Кошкарёвой Н. Б.* Екатеринбург, 2011.
- Казакевич, Будянская 2010 — *Казакевич О. А., Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. *Казакевич О. А.* Екатеринбург, 2010.
- Кошкарёва, Соловар 2007 — *Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н.* Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007.
- Круглякова 2010 — *Круглякова В. А.* Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М., РГГУ, 2010.
- Кюсева 2012 — *Кюсева М. В.* Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков ‘острый’ и ‘тупой’. Дипломная работа. М., МГУ, 2012.
- Кюсева, Рыжова 2010 — *Кюсева М. В., Рыжова Д. А.* Признаковая лексика: Прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. СПб., 2010. С. 90—93.
- Лапина 2011 — *Лапина М. А.* Тэк ёх моньщэт-пуртэт. Сказки-рассказы тегинских людей. Ханты-Мансийск, 2011.
- Майсак, Рахилина 2007 — Глаголы движения в воде: Лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* М., 2007.
- МАС 1999 — Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. *Евгеньевой А. П.* М., 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/>.
- Наний 2012 — *Наний Л. О.* «Прямой», «кривой» и «косой» как источники признаков метафор (на материале китайского и русского языков). Дипломная работа. М., РГГУ, 2012.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ред. *Апресян Ю. Д.* М.—Вена, 2004.
- Рахилина и др. 2010 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: Метафора, метонимия и ребрендинг // *Лингвистика конструкций* / Ред. *Рахилина Е. В.* М., 2010. С. 398—455.
- Рахилина, Плунгян 2007 — *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: Лексическая типология / Ред. *Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* М., 2007. С. 9—26.
- Рахилина, Прокофьева 2004 — *Рахилина Е. В., Прокофьева И. А.* Родственные языки как объект лексической типологии: Русские и польские глаголы вращения // *Вопросы языкознания*. 2004, 1. С. 60—78.
- Рахилина, Резникова 2011 — *Рахилина Е. В., Резникова Т. И.* О работе Московской лексико-типологической группы (стенограмма доклада) // *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов* / Ред. *Кремов А. А.* Воронеж, 2011. С. 126—135.
- Соловар 2006 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006.
- Спесивцева 2012 — *Спесивцева А. А.* Семантика прилагательных, описывающих качества поверхности, и прилагательных со значением «пустой» и «полный» (на материале испанского языка). Дипломная работа. М., РГГУ, 2012.
- Спиридонова 2004 — *Спиридонова Н. Ф.* Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой* / Отв. ред. *Апресян Ю. Д.* М., 2004. С. 235—241.
- Тагабилева, Холкина 2010 — *Тагабилева М. Г., Холкина Л. С.* Качественные признаки ‘пустой’ и ‘полный’ в типологическом освещении // *Acta Linguistica Petropolitana* (Труды Института лингвистических исследований РАН). Т. 6, ч. 3. СПб., 2010. С. 167—169.
- Талигина 2008 — *Талигина Н. М.* Концепт *jin̄k* ‘вода’ в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. Вып. 6 (58). Уральские языки севера Сибири. Салехард, 2008. С. 157—162.
- Эрните 1993 — *Эрните Э.* О происхождении и семантике корня *kVr* в финно-угорских языках // *Linguistica Uralica*. 1993, 2. С. 81—87.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
- Bierwisch, Lang 1989 — *Bierwisch M., Lang E.* Dimensional Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation. Berlin—Heidelberg—New York, 1989.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.

Kibrik 1998 — *Kibrik A. E.* Does intragenetic typology make sense? // *Sprache in Raum und Zeit: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft* / Eds. *Boeder W.* et al. Tübingen, 1998. P. 61—68.

Koptjevskaja-Tamm 2008 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // *From Polysemy to Semantic Change* / Ed. *Vanhove M.* Amsterdam—Philadelphia, 2008. P. 3—55.

Koptjevskaja-Tamm *forthc.* — *Koptjevskaja-Tamm M.* The Linguistics of Temperature. Amsterdam—Philadelphia, *forthc.*

Lang 2002 — *Lang E.* Spatial Dimension Terms // *Language Typology and Language Universals* / Eds. *Haspelmath M., König E.* Berlin, 2002. P. 1251—1275.

Majid et al. 2007 — *Majid A., Bowerman M., Van Staden M., Boster J.* The semantic categories of cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // *Cognitive Linguistics*. 2007, 18 (2). P. 133—152.

Majid et al. 2008 — *Majid A., Boster J., Bowerman M.* The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of “cutting and breaking” // *Cognition*. 2008, 109 (2). P. 235—250.

Newman 1998 — The linguistics of giving / Ed. *Newman J.* Amsterdam, 1998.

Newman 2002 — The linguistics of sitting, standing and lying / Ed. *Newman J.* Amsterdam, 2002.

Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I. A.* Ostyak Texts in the Obdorsk Dialect. Wiesbaden, 1999.

Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Indiana University, 1965.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются прилагательные фактуры поверхностей в нескольких западных говорах хантыйского языка. Работа проводится в рамках направления «лексическая типология». В статье даны семантические характеристики исследуемых лексем, обсуждаются диалектные различия; результаты сопоставляются с данными других языков.

SUMMARY

This article deals with adjectives denoting surface texture in several Western Khanty local idioms. The research is carried out within the framework of lexical typology. Semantic descriptions of the lexemes in question are provided, differences between the local idioms are discussed, the results are compared with the data from other languages.

Ключевые слова: уральские языки, хантыйский язык, лексическая семантика, лексическая типология, качественные признаки, фактура поверхностей

Key words: the Uralic languages, Khanty, lexical semantics, lexical typology, qualitative concepts, surface texture